

С о д е р ж а н и е

От автора.	7
Пролог.	15

Часть I

南

ЮГ

1	Колония	29
2	Передача	54
3	Опора империи	91
4	Родовая деревня	97
5	Возвращение домой	118
6	Гражданская война	148
7	Воссоединение.	176

Часть II

北

СЕВЕР

8	Красная столица	207
9	Вождь	229
10	Враги повсюду	256
11	Национализм сейчас.	272
12	Дворец	298

Часть III



ЗАПАД

13	Нефритовые ворота	305
14	Военное поселение	331
15	Возвращение	356
16	Мечты в пустыне	358
17	Кровь на границе	368
18	Отцовская застава	401
19	Снежные львы	431

Часть IV



ВОСТОК

20	Голод	459
21	Побег	492
22	Разные пути	509
23	Последний бой	517
24	Великие державы	544
	Эпилог	558
	Благодарности	565
	Примечания	573
	Предметно-именной указатель	591

От автора

Когда пишешь книгу о Китае, невозможно найти способ последовательно транслитерировать имена и названия. Практические трудности усугубляются более сложными соображениями: выбор часто оказывается вопросом политическим.

Имена большинства людей и названия мест в этой книге написаны на пиньине — это официальная система романизации одного из диалектов северокитайского (мандаринского) языка*, принятая в Китайской Народной Республике в 1958 году.

Но встречается немало исключений. Для некоторых имен и топонимов я использовал общепринятые, исторически сложившиеся формы записи, не переводя их на пиньинь, — например, в случае с Чан Кайши и Гонконгом.

Часть таких решений я принял по собственному выбору. Так, для имен некоторых членов моей семьи и названий мест, имеющих для них важное значение, я прибег

* Имеется в виду путунхуа — признанный общенациональным нормативный (стандартный) китайский язык, в основу которого легла пекинская вариация северного диалекта китайского языка. — *Здесь и далее прим. науч. ред., если не указано иное.*

к кантонской транскрипции. В большинстве случаев для этого используется система ютпхин, но имена многих людей, например моего отца, Юк Кирн Вонга, приведены в их официальном английском написании*.

В других случаях, в частности с уйгурскими и тибетскими именами, я старался использовать транслитерацию с соответствующих языков, на которых говорят местные жители, и для этого консультировался с носителями языка и учеными. Иногда я привожу как местные, так и китайские названия.

А иногда я также привожу китайские иероглифы, используя традиционную систему, которая до сих пор распространена в Гонконге и на Тайване. Дело в том, что мои родители, дяди и тети пользуются этим видом китайского письма, а я изучал его на Тайване. В Китайской Народной Республике используют упрощенные иероглифы, но традиционные формы также сохраняют свою значимость.

* Имена и названия, записанные в книге на пиньине, на русский язык переведены в соответствии с транскрипционной системой Палладия, общепринятой системой транскрипции имен собственных с путунхуа на русский язык. Однако, как и в оригинале, в ряде случаев использованы традиционно устоявшиеся варианты записи китайских имен и топонимов на русском языке (например, Чан Кайши).

Имена и названия, приводимые автором в кантонской транскрипции, переведены на русский язык согласно проекту кантонско-русской практической транскрипции Института языкознания РАН, разработанной Юрием Коряковым и Дмитрием Шакурой.

В случаях если имена и фамилии китайского происхождения принадлежат родившимся или проживающим вне КНР, их перевод дан в соответствии с правилами транслитерации с английского языка. Так, фамилия автора и его семьи транслитерируется с английского как Вонг, по правилам же кантонско-русской транскрипции должно быть «Вон».

Путей расходится много, не знаю, какой избрать...
Но день придет, когда я поймаю ветер и,
рассекая волну, поплыву, словно облако,
по потемневшему морю.

Ли Бо 李白 (701–762)

Юнцом покинул я дом, стариком возвращаюсь.
Неизменным осталось со мной родное наречье,
но в волосах седина.
Дети встречаются мне, я для них незнакомец.
Спрашивают, улыбаясь: «Откуда к нам прибыл, гость?»

Хэ Чжичжан 賀知章 (659–744)

Он вспоминал плоды хурмы в осеннем свете. Ветви низко склонялись над его головой, и эти плоды свисали, сочные и гладкие, цвета жженой меди. Вместе с другими солдатами он сидел в открытом кузове грузовика. Деревья росли вдоль дороги, воздух был сух и свеж. Они указывали на хурму, восхищались ею. Как сладко было бы вонзить зубы в такой плод! За грузовиком клубами вилась пыль. Они направлялись в огромный пустынный край, край древних дорог и городов, многие из которых давно исчезли с лица земли. Они ехали в приграничье. Те воины, что приходили туда до них, тоже исчезали. Эту хурму, золотящуюся в лучах угасающего дня, он помнил и семь десятилетий спустя.



КИТАЙ 中國



Пролог

Мне было уже за двадцать, когда отец впервые показал эту маленькую черно-белую фотографию. Мы сидели в гостиной дома, где прошло мое детство, в пригороде Вашингтона, округ Колумбия. Фотография была сделана в Китае в 1953 году. На ней у отца по-молодому блестят глаза и нет ни одной морщины. Одет он в военную форму, на голове фуражка. Я провел пальцем по темному пятну в центре фуражки. Отец пояснил, что на этом месте была красная звезда, символ Народно-освободительной армии Китая. Он отправил фото по почте своему отцу в британскую колонию Гонконг, и тот затушевал звезду, чтобы никто ее не увидел и не случилось беды. К моему отцу фотография вернулась, когда он покинул материковый Китай и воссоединился с родителями в Гонконге. А уезжая в Америку, отец взял ее с собой — в память о революции.

Я — сын двух империй. Родившись в Вашингтоне, я рос в Александрии, штат Вирджиния, городе, стоящем на берегах реки Потомак, в те времена, когда разговоров только и было, что о холодной войне, сдерживании коммунизма

и предотвращении ядерного апокалипсиса. Это были годы от президентства Никсона до президентства Рейгана, когда главное место в мировой политике занимала борьба двух идеологий, а точнее двух систем правления. Берлинская стена пала в тот год, когда я оканчивал школу. На всех радиостанциях крутили «Ветер перемен» группы Scorpions, Советский Союз распался, и у Соединенных Штатов не осталось в мире соперников. Мы говорили об этих событиях в семье, на уроках и в школьном дворе, я читал о них в газетах, и эти газеты, с их корреспондентами в Вашингтоне, Нью-Йорке и далеких мировых столицах, казалось, писали летопись Американского века.

Но еще существовали коммунистические державы, и в том числе та, о которой мало что знало большинство американцев, но которую хорошо знал я. Это был Китай, наша родина. Когда началась Вторая мировая война и страна отражала нападение японских захватчиков, мои родители были детьми и жили на юге. Япония капитулировала, но мир в Китае так и не наступил. Началась новая война, гражданская — между находившимися у власти националистами* и мятежными коммунистами. Мао Цзэдун и его Народно-освободительная армия одержали победу, националисты были вынуждены отступить на остров Тайвань. В 1950 году мой отец и его одноклассники стали первыми в своей школе, кто получил аттестаты уже в коммунистическом Китае.

Революционный пыл охватил граждан. Отец отправился на север, в Пекин, поступать в университет. 1 октября

* Под националистами подразумевается партия Гоминьдан, которая полностью контролировала правительство Китайской Республики с 1928 по 1949 год.

1950 года, в первую годовщину образования Китайской Народной Республики, он вместе с солдатами, рабочими и другими студентами маршировал по площади Тяньаньмэнь, а Мао стоял на трибуне на Вратах Небесного Спокойствия и с высоты махал им рукой. Они верили, что Мао поведет Китай за собой, чтобы вернуть ему былую славу и противостоять американскому империализму. Той осенью американские войска выступили против северокорейских и китайских вооруженных сил на Корейском полуострове. Коммунистическая партия Китая призвала граждан активно участвовать в военных действиях, чтобы американская армия не вторглась в северо-восточный Китай и не дошла до Пекина.

Отец вступил в Народно-освободительную армию. Следующие 10 лет он служил в основном на границе, а его военная карьера совершала неожиданные повороты. Он побывал в таких уголках страны, которых большинство китайцев никогда не видели. Это были места невиданной красоты, где разворачивалось жестокое противостояние. Подготовку к службе в военно-воздушных силах он проходил в Маньчжурии, вблизи корейского фронта. Потом провел несколько лет в Синьцзяне, северо-западном регионе, где проживают тюркоязычные мусульмане. Это были земли уйгуров и казахов, на которые веками зарились пекинские правители. Отец своими глазами увидел, как велика была Китайская империя, и стал свидетелем того, как Мао пытался возродить ее могущество.

В детстве я ничего не знал об этом периоде жизни отца. Годами я наблюдал, как он надевал красный пиджак и черные брюки, чтобы пойти на работу в китайский ресторан «Сампан», и это была единственная униформа, которая у меня с ним ассоциировалась, пока однажды он не показал

мне свою фотокарточку — ту, что отправил своему отцу, когда служил в армии.

Он не из тех, кто много рассказывает о себе. И если он чем-то делился, это не происходило как нечто само собой разумеющееся. Если ему случалось вернуться домой рано, он не садился на край моей кровати и не рассказывал истории из своей жизни, хотя бы даже выдуманные. У него был один выходной в неделю — воскресенье. Но каждое второе воскресенье он уходил, чтобы вести бухгалтерию в ресторане «Чинз Китчен», совладельцем которого был. А в другие воскресенья мы смотрели американский футбол — матчи «Вашингтон Редскинз», и он возил семью покататься на своем синем «Плимуте-Дастер». Отец помогал мне делать задания по алгебре, геометрии, математическому анализу. Он разбирался в том, что касалось цифр. Позже я узнал, что после армии он изучал инженерное дело.

Иногда мне удавалось случайно увидеть сокровище. Однажды зимой отец с матерью везли нас с сестрой в Вашингтон, в Китайский квартал, к бабушке и о чем-то разговаривали на повышенных тонах на кантонском диалекте. Я разглядывал в окно дощатые дома. Мама обернулась к нам с переднего сиденья. «Коммунизм что-то сделал с вашим отцом, — сказала она. — Он упорствует в своих взглядах и не желает меняться».

Я почувствовал в этих словах боль, рану, которую не хотелось беречь. По крайней мере, пока. У каждого из них была своя история, начавшаяся задолго до моего рождения. Позже я узнал, что мать ошибалась, что отец мог меняться и, больше того, уже давно сделал это. В сложный момент он принял решение пустить свою жизнь по другому руслу. Он сделал выбор между идеей и мечтами, властью и свободой, государством и домашним очагом.

Мои родители прощались с Китаем и Гонконгом в разные моменты и при разных обстоятельствах. Но они так и не расстались с родиной полностью. И я не знаю ни одного китайского иммигранта, который сделал бы это. Еще одно воспоминание: летний вечер, мы смотрим по телевизору финал женского волейбольного турнира на Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе — США против Китая. И когда китайская сборная побеждает, мои родители кричат от радости и прыгают от восторга почти так же неистово, как звездная нападающая Лан Пин по прозвищу Железный Молот и ее подруги по команде, одетые в красную форму. «Мы болеем за Китай, потому что это наша родина», — сказала мне тогда мама.

Историю своей семьи я начал узнавать годы спустя, продолгу беседуя с родителями и другими родственниками, читая старые письма и разглядывая фотографии. Это началось еще до того, как я поступил в университет, и продолжалось все годы моей учебы. Мои исследования шли параллельно: я изучал историю и общественное и политическое устройство Китая в университете и историю семьи дома. Я подолгу разговаривал с родителями, дядями и тетями в Вашингтоне и Сан-Франциско и особенно много общался со старшим братом отца, Сэмом, который рос с ним в Гонконге и провинции Гуандун и уехал в Америку в 1948 году учиться. Начав изучать прошлое, я также каждый год ездил в материковый Китай и в Гонконг, и закончилось это только с моим переездом в Нью-Йорк, где я стал работать в газете «Нью-Йорк таймс».

Я жил в центре Манхэттена, когда 11 сентября 2001 года управляемые террористами лайнеры врезались в здания Всемирного торгового центра и в Пентагон. Эти террористические акты и вторжение Америки в Афганистан и Ирак

поставили передо мной вопросы о сущности и масштабах влияния империи, о силах, которые ей противостоят и которые она стремится подавить. В день, когда мне исполнился 31 год, я уехал из Нью-Йорка в Ирак работать военным корреспондентом.

Еще через пять лет я стал корреспондентом в Пекине, и именно тогда Китай и жизнь моих родителей открылись передо мной в полной мере, так, как я прежде и представить себе не мог. У меня появилась возможность увидеть события прошлого, остававшиеся раньше в тени, и проследить связь между ними и между людьми, местами и временными периодами. Кроме того, это было захватывающе интересно — оказаться в стране, переживающей эпоху грандиозных преобразований, с ее городами, сверкающими офисными башнями, сообществами художников, рабочими, стремящимися к успеху и приезжающими поездами из деревень, чтобы стать частью колоссальной истории перемен, которую обещали подарить первые десятилетия XXI века.

Только что прибывшему человеку казалось, что лидеры Китая и его граждане работают, напрягая все мускулы государства, чтобы построить будущее. Это являло собой полную противоположность тому хаосу, который я увидел в Ираке. Годами ведя репортажи из распадающейся страны, я пришел к тому, что разуверился в природе человека и власти. Двое моих иракских коллег, Халид и Фахер, погибли, как и еще около 300 000 человек, ставших жертвами войны в этой стране. Разрушения и кровопролитие тем более потрясли меня, что стали прямым следствием действий американцев. Их принесла нация — моя нация, — которой всего десятилетием ранее представилась историческая возможность использовать свое положение

единственной сверхдержавы, чтобы сделать мир лучше. Но вместо этого после терактов 11 сентября лидеры США повели страну по пути имперского насилия. И в течение многих лет представители американского политического класса не признавали своей вины в том, что натворили.

Выйдя из самолета в сверкающем новеньком термине пекинского аэропорта теплым апрельским вечером 2008 года, я подумал, что если какая-то держава и представляет альтернативное видение будущего, то это, несомненно, Китай. Тогда казалось, что путь прогресса, избранный его руководством после трагедии, которой стало правление Мао, и жестокого подавления протестов в 1989 году, свидетельствует о приверженности более просвещенным и разумным идеалам.

Но, как это часто случается, когда человек ослеплен надеждой, реальность оказывается иной — как и в случае с отцом. К тому времени, когда в конце 2016 года я уехал из Китая, для меня было очевидно: его история под властью Коммунистической партии — это история страны, которая всеми силами стремится стать империей, превосходящей Соединенные Штаты, и видит себя наследницей империи Цин. И это происходит в эпоху, когда от всех других имперских держав той поры остался лишь пепел и когда моральный крах имперского правления хорошо задокументирован — на примере британцев, османов, русских и многих других. И все же Си Цзиньпин, лидер коммунистического Китая, и на деле и на словах стремится реализовать мечту об империи, говоря о великом возрождении китайской нации.

Многие жители Китая разделяют эту мечту. Она уходит корнями в общий нарратив о тысячелетней истории,

начавшейся с древней цивилизации Хуанхэ, продолжившейся завоеваниями первого императора Цинь Шихуанди и достигшей апогея в эпоху династий Тан и Сун с ее бурным развитием торговли, искусства и науки. Это миф о родной земле народа хань*, чья культура и цивилизация доминировали в такой степени, что даже доблестные воины-захватчики растворялись в ней и становились китайцами. Такова была история, которую я узнал, когда начал изучать Китай.

Затем я столкнулся с историками и писателями, которые придерживались иных взглядов. Они рассказывали, что история Китая вплоть до прошлого века определялась циклами чередования правления выходцев из собственно Китая и из кочевых или полуседлых народов Азии, общества которых были не менее богаты, сложны и могущественны, чем китайское. Эти народы из Внутренней Азии основали несколько династий, в частности монгольскую в XIII веке и маньчжурскую в XVII веке. И именно маньчжуры, основатели династии Цин, создали в результате завоеваний огромную империю с Китаем в центре в те времена, когда на всем евразийском континенте формировались аналогичные имперские державы.

К 1800 году цинский двор в Пекине правил третью населения мира и десятью процентами территории Земли. Империя Цин простиралась от центральноазиатских степей

* Согласно официально принятой классификации, в КНР проживает 56 этнических групп или национальностей, среди которых хань, или ханьцы, — самая многочисленная. В русском языке существует некоторая путаница, связанная с тем, что слова «китайцы» и «китайский народ» используются как для обозначения всех граждан КНР, среди которых есть множество этнических меньшинств, так и для обозначения самой крупной этнической группы (хань).

до тибетских Гималаев и прибрежных городов Китая. После поражений в Опиумных войнах и других военных конфликтах правители Цин уступили контроль над частью империи европейским державам, России и Японии, а позже были свергнуты повстанцами, которые выступали под знаменем этнического ханьского национализма. Они заявляли, что восстановят свое государство как одну из великих мировых держав. Ханьская элита помогла распространить мощную идею современного китайского государства как продолжения обширной и полиэтнической империи Цин. Новые правители, националисты, взялись за реализацию этого проекта и боролись за нее, пока, в свою очередь, не были свергнуты Мао, который дал народу те же обещания возродить нацию.

В XXI веке, к изумлению всего остального мира, Коммунистическая партия Китая стоит на пороге осуществления этой мечты. Это происходит спустя десятилетия после того, как территория страны сократилась в результате губительной политики Мао. Сегодня под властью КПК находится большая часть земель, объединенных императорами династии Цин посредством войн и дипломатии. И это пространство может стать еще больше. Китайские военные расширяют свое присутствие на спорных пограничных территориях, от Южно-Китайского моря до Гималаев. Партия стремится подчинить своей власти демократический остров Тайвань.

Экономическая мощь страны позволяет Коммунистической партии Китая проникать в такие сферы, о которых императоры даже не подозревали: от интернета до искусственного интеллекта, от высшего образования до Голливуда — Китай меняет мир, и мы только начинаем

осознавать значение происходящего. К нему относятся как к одной из ведущих держав. Во времена династии Цин посланники из далеких стран прибывали к императорскому двору, чтобы отдать дань уважения владыке Китая, и сейчас они делают то же самое. Я был на площади Тяньаньмэнь во время военного парада, такого же, как тот, в котором участвовал мой отец в 1950 году, и наблюдал, как лидеры со всего мира — из Бразилии, России, Южной Кореи — аплодировали, стоя на трибуне рядом с Си Цзиньпином. Они вместе смотрели на танки, ракеты и марширующих строем солдат.

Многие граждане Китая искренне гордятся возрождением нации, и эта гордость тем сильнее, чем больше партия разжигает огонь патриотизма и национализма. В школьных классах, в фильмах, в газетных статьях государство рассказывает своим гражданам, как целое столетие Китай страдал от рук иностранных держав. Но есть и еще кое-что, что поддерживает и направляет их: глубокая вера в собственную непогрешимость. Ту самую непогрешимость, вера в которую, по словам теолога Рейнгольда Нибура, пронизывает национальный характер американцев. Этим обществам можно причинить зло, но они никакого зла причинить не могут. Именно это чувство непогрешимости позволяет империи выбирать путь зла во имя добра при неизменной поддержке своих граждан.

Почти десятилетие, проведенное в Пекине, имперской метрополии, — не единственное, что заставило меня воспринимать Китай именно так. Не менее важную роль сыграло и то, что я наблюдал ближе к границам государства — в Гонконге, Синьцзяне, в Тибете и во Внутренней Монголии — на тех самых спорных территориях, которые были так важны для моего отца в годы его жизни в Китае.

Природа каждой империи проявляется в том, как она осуществляет власть вдали от центра. Я видел это на примере Америки в Ираке, и я видел это на примере Китая.

Отец не просто отправился в приграничье в качестве солдата, он родился там. Его семья происходила из провинции Гуандун, которую в древности китайские правители считали частью населенного варварами царства Юэ. Путешествуя по южному Китаю, я увидел, насколько он отличается от северного, что помогло мне лучше понять разнообразие этого края, как и все остальное, чему я был свидетелем. Те районы, откуда происходили семьи моих родителей и где говорят на кантонском диалекте, были переходной зоной между Китаем и внешним миром. Люди родом оттуда связывали Китай с Америкой задолго до нынешней эпохи глобальной торговли. Мои предки и родственники перебирались в Юго-Восточную Азию, в Бразилию, в Канаду. Они договаривались о переездах, временных и постоянных домах. Стоит ли удивляться, что именно на юге собирались интеллектуалы и бунтари, ставившие под сомнение власть императоров на севере и стремившиеся свергнуть их?

Мой отец приехал в Пекин и в северные земли как чужак, выходец из дальнего уголка империи.

Я тоже прибыл туда как чужак, представитель другой империи, присланный, чтобы фиксировать происходящие здесь события.

Мы отправились в наши путешествия порознь, но его путь стал источником информации для моего. Я пишу здесь о наших с ним путешествиях, вернее, о том, как каждый из нас вспоминал моменты этих путешествий.

Ему уже 91 год, но он говорит мне, что есть вещи, которые никогда не исчезнут из его памяти.

Ночь, когда он спал на горном лугу под звездами, а подушкой ему служило седло...

День, когда он наблюдал, как солдаты с винтовками пытаются охотиться на оленей на заснеженной пустынной равнине...

Много лет назад, когда мы сидели вместе после ужина, он сказал мне, что до сих пор помнит слова революционной песни «Алеет восток», которую большинство китайских граждан в 1960-е годы знали наизусть. Отец прочистил горло и без колебаний пропел слова на путунхуа, хотя прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как он делал это в последний раз.

Алеет восток, восходит солнце,
В Китае появился Мао Цзэдун.
Он трудится ради счастья народа,
Он — спаситель народа!

Закончив, отец откинулся на спинку дивана и слабо улыбнулся мне. В этот момент он снова был тем молодым человеком в форме и фуражке с красной звездой, скачущим верхом по высокогорным долинам северо-запада, там, на краю империи.

ЧАСТЬ I



Ю Г

Колония

Гонконг, 1941 год

Ясным декабрьским утром мальчик услышал взрывы. Он поднял голову и увидел в небе черные клубы дыма. Британские военные, которые должны были защищать Гонконг, колонию империи, вели огонь из зенитных орудий, отражая атаку японских бомбардировщиков. Был понедельник, и мой отец, которому тогда было девять лет, шел в школу вместе со старшим братом Сэмом и двумя двоюродными братьями. Их семья жила в районе Хэппи-Вэлли. Мальчиков провожала двоюродная бабушка, она несла на плече бамбуковый шест, на котором висели плетенные из ротанга ранцы самых младших. Отец был худеньким, быстрым и энергичным мальчиком. По-английски его звали Юк Кирн Вонг, по-китайски — 黃沃強, что означает «плодовитый и сильный».

Британская администрация уже несколько месяцев проводила учебные тревоги — отключала электричество, включала сирены, распространяла информацию

о бомбоубежищах. К концу 1941 года жители успели привыкнуть к этому. Чиновники в Гонконге и Лондоне понимали, что колония уязвима. Для императора Японии Хирохито, который вознамерился завоевать всю Азию, остров и его глубокоководный порт могли бы стать идеальной военной базой у южного побережья Китая. За четыре года до этого японская армия вторглась в сердце страны и постепенно, сражение за сражением, захватывала все новые территории.

Тем не менее, даже несмотря на постоянные учения, многие жители Гонконга считали, что Япония не осмелится напасть на колонию Великобритании, крупнейшей в мире империи — владычицы морей. Пусть японская армия ведет наступление в Китае и убивает мирных жителей, но она, конечно же, не тронет ни Гонконг, ни Сингапур, ни Малайзию — другие британские колонии в регионе.

Когда мальчики вошли в здание школы Линггин, расположенное на холме близ гавани, в районе Козуэй-Бей, учителя сообщили им, что стрельба из противоздушных пушек — это просто очередные учения. Они сели за парты. Отец учился в четвертом классе, и это был его первый год в этой школе. Сэм был на четыре года старше и учился в другом классе. Его учитель геометрии в то утро ставил зачеты, и Сэм был счастлив, что получил 90 баллов. Взрывы слышались до конца урока. На перемене мальчики вместе с одноклассниками выбежали на улицу, чтобы посмотреть, как в небе над водой разрываются на осколки зенитные снаряды. Что-то происходило за пределами острова Гонконг, в Коулуне и на Новых территориях, граничащих с Китаем, но что именно, сказать было невозможно.

Потом отец увидел самолеты, проносящиеся в небе дальше, за гаванью. Он прищурился, чтобы разглядеть